

Юрий Седов

Седов (псевдоним, настоящая фамилия – **Фоос**) **Юрий Фридрихович** родился в 1937 г. в селе Ново-Любино Омской области. С весны 1939 г. до конца войны жил на Ямале, по той причине, что его отец был репрессирован как лицо немецкой национальности. С 1945 г. с некоторыми перерывами жил в Челябинске. Здесь окончил школу № 47, затем – политехнический институт. Работал на ММК в Магнитогорске, в Санкт-Петербурге, Керчи, Челябинске. Был токарем, конструктором, радистом, преподавателем в техникуме, сотрудником в многотиражке «Строитель Урала», научным сотрудником, экскурсоводом в Пушкинском заповеднике. Публиковаться начал в 1956 г. Начиная с 1967 г. печатался в журналах «Волга», «Юность», «Сельская молодёжь», «Смена», «Аврора», «Zivot» (Югославия), «Урал», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «Крепачник», в альманахах «Поэзия», «Сибирь», «Каменный пояс», «Область вдохновения». С 1974 г. публикуется под псевдонимом Юрий Седов. Выпустил в Челябинске книги стихов: «Не тают круги на воде» (1976), «Ветвей проявленный узор» (1990), «Сегодня ночью будет снег» (2000), «Доверимся судьбе» (2002), «На окраине века» (2003), «Мы – листья на древе» (2004), «Была весна» (2007), «Лунная улица» (2009), «Планета судьбы» (2012). Лауреат премии им. П. Бажова (2003) и Южно-Уральской литературной премии (2011). Участник АСУП-2. Живет в Челябинске.

Филологическая маркировка стихов Ю.С.

Традиции, направления, течения: реализм, нео-реализм.

Основные имена влияния, переклички: С. Есенин, В. Соколов, Н. Тряпкин.

Основные формальные приемы, используемые автором: психологический параллелизм, анафора, исповедальность, диалогизм, риторические обращения, восклицания.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: то-

ска по юности, память, разлука, безответная любовь, измена, ощущение счастья, поиск счастья, наслаждение жизнью во всех ее проявлениях (радость, тоска, боль и т.д.), темпоральные образы (времена года) образуют параллель психологическому состоянию лирического героя, образы – звезда, лед, ливень, вода, небосвод, душа.

Творческая стратегия: жизнелюбие, безусловное приятие реальности и ее поэтизация, духовная открытость миру.

Коэффициент присутствия: 0,3

АВТОБИОГРАФИЯ

(Справка о моей жизни)

Впервые я увидел мир, когда мне был 1 год и 8 месяцев. В ненастно-белёсой ночи Заполярья к высокому берегу Хальмерседе (Скала смерти) на Обской губе пристаёт колёсный пароход. Вверх, в таинственный сумрак с нижней палубы поднимается трап... Конечно, слова эти пришли позже. Тогда было только виденье. Мой незабываемый Север! Север суровый, Север прекрасный... Позже, уже в другом местечке Ямала – в фактории Щучье – в свои 6 лет под новогодней ёлкой я исполнял «По тихим волнам океана...» Цедлица в переводе М. Лермонтова – впечатление на всю остальную жизнь. Должно быть, мои скромные слёзы были от волнения, восхищения и ужаса от того, что «на острове том есть могила, и в ней император зарыт».

Фактория стояла на берегу реки Щучьей. Река была всем – всей жизнью, всеми играми, страхами, мечтами. И ещё – олени, снег, метели, летние белые ночи, сказки моей бабы (бабушки) Прасковьи. Да будет ей пухом земля!..

В самом начале 50-х уже в Челябинске я трижды порывался поступить в мореходное, но увы... В те давние времена путь в Клайпеду мне был заказан по причине, которая занесла нас на Север. Тогда и начались потуги сочинительства. Слава богу, меня сразу же обступили книги о великих морских первооткрывателях – путешественниках, славных мореходах эпохи становления России.

Сразу же возникли Пушкин, Лермонтов, Фет, позже – Есенин, Блок. Закрутился обычный вихрь молодости – стихи, надежды, увлечения, ожидание хотя бы крошечных публикаций...

Письмо Леонида Мартынова, хмель тщеславия, книги без счёта! Багрицкий, Бунин, Антокольский, Верхарн... Как было много в той житейской нищете силы надежд и упрямства работы, обыденной воли и веры в удачу! На этих самодельных крыльях судьба унесла меня в Магнитогорск, где жили тогда наши незабвенные земляки Б. Ручёв и Станислав Мелешин, потом – в Керчь, Ленин-

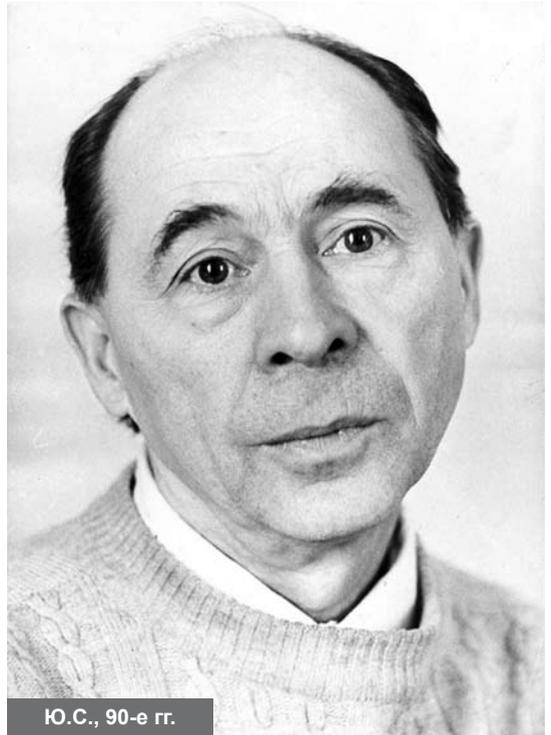
град. Случились первые журнальные публикации в «Волге», «Юности», «Смене», «Авроре»... Позже вышли книги, большинство из которых возникло во времена нового государства и новых порядков издательских хлопот. Не без страха отказа в честолюбивом волнении я устраивал их в нашей бесценной «публичке», уповая на внимание и память тех, ещё бытующих среди нас, современников, коим не безразлична муза лирики.

На вручении премии имени П.П. Бажова в Екатеринбурге за сборник стихов «На окраине века» я прочитал стих «Награда» как наиболее внятное выражение моего отношения к труду и судьбе литератора. Надеюсь, и вам он ответит на вопрос, что движет и двигало мной в отеческом мире Поэзии.

Треть моей сознательной жизни на Южном Урале прошла в двух бараках, где каждой семье было даровано по комнате при любом числе жильцов. Нас было семеро. Но для книг, для чтения и мечтаний и здесь хватало места.

Я говорю – Мечтаний, ибо в них-то и таилось главное – Будущая жизнь. Я был одиночка и жил внутри того, что означало – Я. Потому обычная, привычная нищета не была препятствием для его обитания, спокойного приятия сцены моего единичного существования. В 7-м классе я в порядке соревнования с одноклассником написал стих о море и парусах, потом стих о коварстве девчонок. Продолжение не заставило ждать долго. Много лет спустя вдвоём с дочерью мы отправились в соседний бор и там сожгли штук шесть моих старых тетрадей. Был ветер, и стихи горели охотно. Это не было элегией прощания – было необходимым признанием того, что сгоревшее давно отгорело.

Оставались стремления ремесла, плен надежды на бесконечность работы, всегда и единственно необходимой душе. Эта волна однажды занесла меня в Пушкиногорский заповедник на Тригорскую турбазу сначала в роли туриста, а потом экскурсовода. Это было милостью тогда ещё безвестного, приветливого, чуткого энтузиаста Семёна Гейченко, который и предложил мне подзаработать денег на обратную дорогу в Челябинск неожиданным занятием, к чему у меня были предпосылки: ещё в 8-м классе школы я проштудировал юбилейное 1937 года издание А.С. Пушкина. Светлый хмель давних лет... В начале 60-х в Коктебеле моим добродушным наставником была В.К. Звягинцева, проводившая меня на второй библиотечный этаж Волошинского дома. Наивный честолюбец, я читал стихи компании, в которой центральной фигурой в кресле, подтянув под себя ноги, скромно восседала давно не молодая дама азиатской какой-то внешности – Мария Степановна Волошина – жена поэта. Похвалила, погладила по шерсти чужака-провинциала... Я и сейчас – чужак. Стихи сделали всю мою жизнь,

Ю.С., 90-е гг.

но и на чёрный хлеб не бросили в шапку. Да, были разочарования и неоправдавшиеся надежды, но! – не было обид и жёлчи. Одиночке по рождению не отпущено праздное счастье, но даровано благодарное приятие жизни, чем бы она ни угощала.

Отца я впервые увидел в 8 лет, когда всей нашей командой сползали мы по трапу парохода («Третий Интернационал») на омский причал. Отец оказался небритым дядькой в зелёной гимнастёрке, в галифе и серой кирзе. Неуклюжие детские объятия, поцелуй снизу вверх... Сдержанность осталась навсегда, хотя был он добрейшим, порядочным человеком, чудом уцелевшим в обречённой смертной молотилке строительства ЧМЗ. Ему было не до стихов, тем более моих. Не лучше с матерью... Только бабушка, только её заботы, только их с матерью невесёлые песни под стаканчик браги...

А стихи были всегда отдельной жизнью, спрятанной в себя, всегда адресованной Будущему – никому. Смирненно я сносил эту участь – мою неизменную колыбель. Любил всегда и о том не жалею.

Челябинск, 2012